

В. К. ГАРДАНОВ

ОБЫЧНОЕ ПРАВО КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ У НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В XVIII — НАЧАЛЕ XIX в.

Научное значение материалов по обычному праву народов Кавказа давно уже разъяснено и признано. Большую роль в этом сыграли труды русских ученых, в особенности М. М. Ковалевского и Ф. И. Леонтовича. Отмечая «несомненную важность» и научную ценность материалов по обычному праву кавказских горцев, Ф. И. Леонтович подчеркивал: «В обычном праве кавказских горцев... сохранилось не мало институтов глубокой старины, по своему происхождению и характеру принадлежащих к таким явлениям общественной культуры, которые на первых порах встречались в истории всех народов»¹.

Большое познавательное значение материалов по обычному праву кавказских горцев ярко и убедительно показал Максим Ковалевский. Стремясь во всех своих исследованиях к широким научным обобщениям, М. М. Ковалевский и к изучению материалов по обычному праву кавказских горцев подошел с широкой исторической меркой. Закljučая свои мысли о важности изучения обычного права кавказских горцев для развития и уточнения многих теоретических положений истории и социологии, М. М. Ковалевский писал: «Для всякого, кто, вместе с нами, видит поступательный ход обществоведения в пересмотре, подкреплении и исправлении уже добытых результатов, в внесении большей определенности и точности в установленные уже выводы..., для того изучение Кавказа представится одновременно и необходимым, и неизбежным»².

Но если материалы по обычному праву кавказских горцев столь важны для освещения общен исторических и социологических проблем, то понятно, что еще большее значение эти материалы имеют для изучения истории соответствующих народов Кавказа. Можно без преувеличения сказать, что адаты горцев Северного Кавказа являются главнейшим, а подчас и единственным источником для характеристики социальных отношений у этих народов на протяжении многих столетий, начиная с эпохи средневековья и в особенности для периода XVIII — начала XIX в. Не случайно в недавно изданных сводных трудах по истории народов Дагестана, Кабарды, Адыгеи, Северной Осетии общественный строй этих народов в феодальный период характеризуется прежде всего на основе дошедших до нас записей адатов и других материалов

¹ Ф. И. Леонтович, Адаты кавказских горцев, вып. I, Одесса, 1882, стр. 2.

² М. Ковалевский, Закон и обычай на Кавказе, т. I, М., 1890, стр. 9.

обычного права³. К сожалению, использование материалов по обычному праву кавказских горцев лимитируется сравнительно небольшим кругом изданных источников, среди которых главное место занимают сборники адатов, составленные в 40—60-х годах XIX в. по заданию русской администрации на Кавказе⁴. Ряд публикаций, сделанных в советский период, показывает, что круг источников по обычному праву народов Северного Кавказа может быть значительно расширен за счет вновь выявленных материалов самого различного характера и вида⁵. Однако пока еще работа по изданию документальных и нарративных материалов по обычному праву кавказских горцев не приняла должного размаха. Все еще ждут своего обнародования хранящиеся в архивах материалы так называемых сословно-поземельных комиссий⁶, которые, начиная с 1840-х годов и почти до конца XIX в., собирали сведения о сословных и поземельных правах горцев Северного Кавказа, представляющие исключительную ценность для характеристики социальных отношений кавказских горцев. Материалы сословно-поземельных комиссий⁷ существенно дополняют сборники адатов, составлявшиеся примерно в это же время⁸. Как и составители сборников адатов, сословно-поземельные комиссии часто обращались за выяснением интересующих их вопросов к местным горским судам, которые имели многолетний опыт в решении дел на основе норм обычного права и были признаны официальными истолкователями адатов. Поэтому большое значение для понимания действующих норм обычного права имеет изучение практики горских судов того времени, особенно разбор ими на основании адатов дел между феодалами и крепостными, земельных споров и т. п.

При изучении обычного права народов Северного Кавказа следует иметь в виду, что у многих из них оно вплоть до присоединения к Рос-

³ См.: «Очерки истории Дагестана», т. I, Махачкала, 1957; «История Кабарды», М., 1957; «Очерки истории Адыгеи», Майкоп, 1957; «История Северо-Осетинской АССР», М., 1959.

⁴ См.: «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. VI—VIII, Тифлис, 1872—1875; Ф. И. Леонтович, Адаты кавказских горцев, вып. I—II, Одесса, 1882—1883. Эти публикации сборников адатов дополняют изданные под ред. И. Я. Сандрыгайло «Адаты Дагестанской области и Закатальского округа» (Тифлис, 1899).

⁵ Манай Алибеков, Адаты кумыков, Махачкала, 1927; Х. М. Хашаев, Кодекс законов Умму-хана Аварского (Справедливого), М., 1948; Б. А. [В. К.] Гарданов, Материалы по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX в., Нальчик, 1956; Х. М. Хашаев и М. С. Саидов, Гидатлинские адаты, Махачкала, 1957; Е. О. Крикунова, Документы по истории Балкарии (40—90-е годы XIX в.), Нальчик, 1959.

⁶ В разные периоды своего существования и в разных округах и областях Северного Кавказа эти комиссии «по разбору личных и поземельных прав туземцев» имели различные наименования; первоначально они иногда назывались и «комитетами».

⁷ Как показывают исследования советского периода, многие весьма ценные документы о социальном строе народов Северного Кавказа, хранящиеся в фондах сословно-поземельных комиссий, совершенно не были затронуты дореволюционными публикациями. Так, Б. В. Скитский в 1933 г. опубликовал в приложении к своей статье «К вопросу о феодализме в Дигории» два документа (1849 и 1852 гг.), в которых на основании материалов, собранных местной Сословно-поземельной комиссией, характеризуются феодальные отношения в Дигории (см. «Изв. Северо-Осетинского научно-исслед. ин-та краеведения», т. V, Орджоникидзе, 1933). Р. М. Магомедов в своей монографии «Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX в.» (Махачкала, 1957) отмечает огромную ценность фонда Комиссии для окончания сословно-поземельных дел в частях Кавказского края военно-народного управления (хранится в Центральном гос. архиве Грузинской ССР в Тбилиси). Широко использует материалы сословно-поземельных комиссий Т. Х. Кумыков при характеристике социально-экономических отношений в Кабардино-Балкарии в первой половине XIX в. в своей книге «Социально-экономические отношения и отмена крепостного права в Кабарде и Балкарии» (Нальчик, 1959).

⁸ Хотя составление сборников адатов и деятельность сословно-поземельных комиссий продолжалась и после проведения в 60-х годах XIX в. крестьянской реформы на Северном Кавказе (так, например, сборник «Адаты Гунибского округа» был составлен в 1894 г., см. И. Я. Сандрыгайло, Указ. раб., стр. 267, примеч.), в собранных и в пореформенный период материалах по обычному праву народов Северного Кавказа отражались главным образом социальные отношения дореформенного времени.

сии было не только господствующим, но часто и единственным видом права, поскольку эти народы не знали писаных законов и вся их общественная жизнь регулировалась обычаями, передававшимися по устной традиции из поколения в поколение. Даже у той сравнительно незначительной части кавказских горцев, у которых (как, например, у отдельных народов Дагестана) еще до присоединения к России появились свои сборники писаных законов, в состав этих кодексов в значительной мере были включены нормы обычного права; часть их, однако, в то же время продолжала и свое самостоятельное существование наряду с писаными законами.

Дошедшие до нас памятники писаного права народов Северного Кавказа, вроде судебных Умму-хана Аварского и Рустем-хана Кайтагского, относящихся, по-видимому, к первым десятилетиям XVII в., уделяют большое внимание древним обычаям и санкционируют многие из них (в том числе обычай кровной мести, барантование, коллективную ответственность родичей и круговую поруку сельской общины, соприсяжничество, куначество и т. д.). Таким образом, эти кодексы дают важный материал для суждения о нормах обычного права, принявших в силу санкции их государственной властью форму закона. Как показывает пример с Судебником Умму-хана Аварского⁹, вошедшие в его состав нормы обычного права продолжали свое существование в качестве действующих норм вместе с теми юридическими обычаями, которые не вошли в этот кодекс. А. В. Комаров сообщает, что Судебник Умму-хана имел широкое хождение в Аварии как руководство при решении судебных дел вплоть до времени Шамиля. «Когда Шамиль утвердился в Аварии и начал преследовать сторонников адата,— пишет Комаров,— один аварец, имевший сборник адатов, по которым производился суд во времена Омар-хана (Умму-хана), опасаясь держать его дома и предвидя в нем надобность, спрятал его в дупло дерева. Когда же Шамиль был взят в плен, хозяин сборника вынул его из дупла и передал в свое селение для руководства при разборе дел, заслужив общую благодарность за свою предусмотрительность»¹⁰.

Можно полагать, что длительная практическая применимость Судебника Умму-хана в Аварии, надолго пережившая своего составителя, основывалась в значительной мере на том, что этот памятник, включая в себя главнейшие нормы обычного права, являлся удачной в общем попыткой кодификации местных юридических обычаев. То же можно сказать и о судебнике, составление которого народное предание приписывает уцмию Кайтагскому Рустем-хану¹¹. Еще Ф. И. Леонто-

⁹ Судебник Умму-хана Аварского, считавшийся в XIX в. потерянным и найденный лишь в 1946 г., ошибочно датировался А. В. Комаровым, а за ним Ф. И. Леонтовичем и М. М. Ковалевским, XI в. (А. В. Комаров, *Адаты и судопроизводство по ним, «Сборник сведений о кавказских горцах»,* вып. I, Тифлис, 1868, стр. 9; Ф. И. Леонтович, *Указ. раб.,* вып. I, стр. 42; М. Ковалевский, *Указ. раб.,* т. I, стр. 231). Эта ошибка, видимо, явилась следствием того, что год смерти Умму-хана, указанный по мусульманскому летосчислению, был принят за дату по христианскому летосчислению. У А. В. Комарова сказано, что Умму-хан умер в 1082 г. (не оговорено, по какому летосчислению); в экземпляре кодекса, обнаруженном в 1946 г. и изданном Х. М. Хашаевым, указан 1044 г. хиджры, что равняется 1634 г. н. э. (см.: Х. М. Хашаев, *Кодекс законов Умму-хана Аварского,* стр. 3).

¹⁰ А. В. Комаров, *Указ. раб.,* стр. 7, примеч. 2-е.

¹¹ Судебник Рустем-хана был впервые опубликован в 1868 г. А. В. Комаровым как памятник XII в. (см.: «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. I, стр. 80 и 9). Ф. И. Леонтович принял датировку А. В. Комарова (см.: «Адаты кавказских горцев», вып. I, стр. 43), которая, однако, вызвала резкое возражение М. М. Ковалевского, отметившего, что этот памятник «совершенно произвольно» отнесен «Комаровым (а за ним и профессором Леонтовичем) к XII веку», тогда как в действительности он был составлен уцмием Рустем-ханом в первой четверти XVII столетия (М. Ковалевский, *Указ. раб.,* т. I, стр. 231). Эту датировку М. М. Ковалевский дает на основании «хранящейся в Дербенте рукописи», в которой он нашел указание, что Рустем-хан правил с 1601 по 1631 г. н. э. (там же, т. II, стр. 233—234).

вич обратил внимание на то, что в состав этого памятника включены многие нормы обычного права. «По своему содержанию,— писал Леонтович,— сборник Рустема принадлежит к числу важнейших памятников древнего права кавказских горцев. При всей сжатости и сравнительно небольшом составе сборника, в нем мы находим указания на главнейшие институты, разъясняющие древний общественный и частно-правный быт горцев южного Дагестана»¹². Подробно разбирая содержание Судебника Рустем-хана, Леонтович отмечает: «Кроме общих адатов об ответственности „общества“ по преступлениям его членов..., сборник Рустема содержит целый ряд адатов по отдельным видам преступлений личных... и имущественных... Наконец, в процессуальных статьях сборника Рустема излагаются древние адаты касательно состава суда, обвинения и вызова к суду, доказательств, в особенности присяги с „тусевами“, и исполнения приговора путем „примирения“ или барамты...»¹³.

Было бы, однако, неверно рассматривать судебники Умму-хана, Рустем-хана и подобные им памятники лишь как простые сборники адатов. Именно к такому пониманию этих памятников склоняются Ф. И. Леонтович и М. М. Ковалевский. Судебник Рустем-хана Леонтович называет «Сборником адатов Кайтаха»¹⁴. М. М. Ковалевский считает, что Рустем-хану «мы обязаны древнейшим из дошедших до нас сборников дагестанских адатов», хотя в то же время признает, что в нем была сделана попытка «кодификации народных обычаев»¹⁵. Таким образом, оба названных исследователя обходят или недостаточно подчеркивают важнейшую особенность подобного рода памятников как источников для изучения обычного права горцев, заключающуюся в том, что адаты выступают здесь уже не в своем первоначальном виде¹⁶ и не в том качестве, в каком они существовали до включения их в состав данных судебныхников.

Очевидно, что уже сама попытка кодификации юридических обычаев и установления единообразных правовых норм для всех аулов или обществ, входивших в данное феодальное владение, предполагала известное изменение ранее существовавших адатов, отличавшихся нередко большой пестротой в зависимости от местных условий. Но государственная власть, бравшая в свои руки законодательную инициативу, отнюдь не склонна была ограничиваться в данном случае простой фиксацией и согласованием действующих норм обычного права, а создавала в виде писаных законов и новые нормы. Как отмечает на основании народных преданий А. В. Комаров, Умму-хан Аварский не только «старался установить единообразные адаты для своих владений», но «и ввел много новых адатов», а Рустем-хан Кайтагский составлял судебник не только из адатов, но «и своих постановлений»¹⁷.

Анализ статей судебныхников Умму-хана Аварского и Рустем-хана Кайтагского показывает, что целый ряд традиционных адатов претерпел здесь существенные изменения. Ханская власть, составляя судебники, широко пользуется этим обстоятельством, чтобы еще больше приспособить древние народные обычаи к потребностям развивающегося феодального строя. Так, обычай кровной мести, хстя и признается обоими судебниками, но серьезно ограничивается рядом новых норм. В Су-

¹² Ф. И. Леонтович, Указ. раб., вып. I, стр. 43.

¹³ Там же, стр. 44—45.

¹⁴ Там же, стр. 42, 43.

¹⁵ М. Ковалевский, Указ. раб., т. I, стр. 224, 231.

¹⁶ М. М. Ковалевский утверждает, что адаты, вошедшие в состав Судебника уцмиста Кайтагского Рустем-хана, «знакомят нас с обычным правом Дагестана в его чистом виде» (Указ. раб., т. II, стр. 234. Разрядка моя.— В. Г.)

¹⁷ А. В. Комаров, Указ. раб., стр. 9. (Разрядка моя.— В. Г.)

дебнике Умму-хана Аварского устанавливается определенный порядок кровомщения и примирения кровников. И то, и другое уже не зависит как прежде, только от воли родственников обеих сторон. Например статья 35 названного Судебника гласит: «Если родственники убитого до истечения 10 дней согласятся на очное примирение, то с них взыскивается один бык. Если же они согласились на примирение после 10 дней, то с них ничего не взыскивается». Таким образом, примирение кровников разрешалось только по истечении 10 дней, причем убийца должен был к этому времени («не позднее 10 дней») удалиться из аула (статья 37). Характерно здесь и назначение штрафа за нарушение установленного срока примирения; штраф поступает в пользу ханской власти. Стремление ограничить кровную месть и поставить ее под контроль ханской власти характерно и для Судебника Рустем-хана Кайтагского. Строгой регламентации и видоизменениям подвергаются обоих судебниках и обычаи похищения невесты, соприсяжничества барантования («ишкуль») и др.¹⁸

Включение в составлявшиеся ханами судебники ранее существовавших адатов придавало им уже иной характер, превращая их из норм неписаного обычного права в законы, на страже которых находилась государственная власть, издававшая данные кодексы. Эту принципиальную разницу между адатом и законом не замечали ни Ф. И. Леонтович, ни М. М. Ковалевский¹⁹, ни другие авторы, изучавшие обычное право кавказских горцев с позиций буржуазной социологии и правоведения.

Появление у некоторых народов Северного Кавказа своих писаных кодексов означает новый этап в развитии их общественно-политического строя, указывая на то, что феодальные отношения у них достигли такого уровня, когда старые формы государственности и права уже не отвечают условиям материальной жизни общества, его экономике и культуре, требуя от господствующего класса новых форм выражения его воли. Теперь эта воля выступает не только в нормах неписаного обычного права, но и в виде писаных законов, установленных местной государственной властью — ханами, уцмиями, князьями. Для многих из этих законов источником является обычное право, которое уже давно служило интересам местной патриархально-феодальной знати. Издавая законы, которые начинают изменять, восполнять, а отчасти и вытеснять старые обычаи, эксплуататорские верхи горского общества делают новый шаг в развитии своей власти и привилегий. Таким образом, возникновение у горцев Кавказа своих письменных кодексов является фактом большой исторической значимости. Не случайно дошедшие до нас первые памятники писаного права народов Северного Кавказа датируются XVII в. — временем усиления у этих народов феодальных отношений, временем, когда зарождались многие явления общественной и культурной жизни, которые развернулись со всей своей силой в XVIII — начале XIX в.²⁰

¹⁸ См.: А. С. Омаров, Р. Г. Маршаев, Об одном памятнике по истории Аварии XVII века, «Ученые записки» Ин-та истории, языка и литературы им. Г. Цадаса Дагестанского филиала АН СССР, т. V, Махачкала, 1958, стр. 132—144; и х же, «Постановления» Рустем-хана как источник по истории Кайтага XVII в, «Ученые записки...», т. VII, Махачкала, 1960, стр. 168—180.

¹⁹ Об этом, в частности, очень ярко свидетельствуют самые заглавия важнейших работ М. Ковалевского, посвященных обычному праву кавказских горцев. Заглавие его первой монографии на эту тему — «Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении» — показывает, что автор не видит принципиальной разницы между обычаем и законом и даже считает, что «закон» был древнее «обычая», или, иначе говоря, что «древний закон» явился источником современного «обычая». Такое же понимание лежит и в основе обобщающего труда М. Ковалевского по обычному праву кавказских горцев — «Закон и обычай на Кавказе» (ср. т. I, стр. 79—80).

²⁰ См.: Е. Н. Кушева, Народы Северного Кавказа, «Очерки истории СССР. XVII в.», М., 1955, стр. 903—926.

Есть основание полагать, что к XVII в. попытки кодификации норм обычного права, а также издание законов в отмену или в изменение адатов, имели место не только в ханствах Дагестана, где феодальные экономические отношения и феодальный административно-судебный аппарат получили большее развитие, чем в других областях Северного Кавказа, но и в Кабарде, тоже отличавшейся сравнительно высоким уровнем развития феодализма. Согласно народным преданиям, записанным Ш. Б. Ногмовым, князь Берслан Кайтукович Джанкутов, правивший в Кабарде после Темрюка Идаровича (современника и тестя Ивана Грозного), учредил единый порядок судопроизводства, «издал разные законы и обряды» и установил штрафы за их неисполнение²¹.

Хотя к XVII в. у ряда народов Северного Кавказа наметилась тенденция к созданию государственной властью кодексов, менявших прежнюю систему обычного права, однако даже у этих народов, с наиболее развитым феодальным строем, ни в XVII в., ни позднее не созрели предпосылки для создания централизованного административно-судебного аппарата и для перехода от господствующей системы обычного права к писаным законам в виде судебных и другого рода кодексов, возникших на местной почве. «Право,— указывает К. Маркс,— никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества»²². Отсутствие у большинства народов Северного Кавказа в момент присоединения к России собственной системы писаного права является свидетельством их общей в тот период социально-экономической и культурной отсталости.

После присоединения к России на Северном Кавказе стало распространяться влияние русского законодательства, и в связи с этим область применения обычного права начала постепенно ограничиваться, однако в целом на протяжении первой половины XIX в. обычное право оставалось у кавказских горцев господствующей формой права, нормы которого по-прежнему определяли почти весь их внутренний быт.

Хотя царское правительство уже с конца XVIII в. стало постепенно вводить на Кавказе систему колониального управления, подчиняя военному командованию Кавказской линии сопредельные горские племена и народности, делало оно это, стараясь по возможности не затронуть права и привилегии местной патриархально-феодальной знати, закрепленные в адатах²³. Фактически царское правительство до 60-х годов XIX в. не касалось основ социального строя народов Северного Кавказа, оставив их подвластными своим ханам, князьям и «старшинам». Политику сохранения и укрепления существовавших у народов Северного Кавказа феодальных отношений русское самодержавие проводило не только в силу своей собственной социальной природы,— в силу того, что оно являлось органом власти русских крепостников-помещиков,— но и потому, что оно рассматривало горскую знать как свою главную опору в присоединенном крае.

Воздерживаясь от введения в горах Кавказа законов Российской империи и признавая здесь действие норм обычного права и шариата, царское правительство, однако, не хотело оставлять целиком в руках местных феодалов и мулл административную власть и суд. И то, и другое находилось под постоянным и все усиливающимся контролем царского командования на Кавказе. Но эффективности этого контроля

²¹ Ш. Б. Ногмов, История адыгейского народа, Тифлис, 1861, стр. 113—114.

²² К. Маркс, Критика Готской программы, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 275.

²³ Исключением из этого правила в известном отношении явилось лишь время командования на Кавказе А. П. Ермолова (1816—1826 гг.), который пытался ограничить права ханов, беков и князей и держал их в постоянном страхе лишиться своих подданных за неповиновение его распоряжениям.

мешала малая осведомленность царских офицеров об особенностях общественного строя горцев и их обычном праве, на основе которого решались все судебные дела, за исключением важных уголовных и антиправительственных преступлений. В связи с этим обстоятельством царское командование на Кавказе неоднократно предпринимало попытки собрать сведения о горских адатах. Как показывают сохранившиеся исторические документы, такие попытки делались еще в 20-х годах XIX в., когда генерал Ермолов, учредив «Временный суд» в Кабарде, предписал этому суду собрать подробные сведения об обычном праве кабардинцев²⁴. Однако, несмотря на неоднократные напоминания Ермолова и заменившего его начальства, Кабардинский временный суд этого задания не выполнил²⁵, ограничившись на первых порах составлением краткой записки о кабардинских адатах²⁶.

Еще менее царскому командованию на Кавказе были известны адаты других народов Кавказа. Между тем развертывание антиколониального и антифеодалного движения на Северном Кавказе со всей остротой ставило вопрос о необходимости более основательного ознакомления с обычным правом горцев. Вот почему в начале 1840-х годов, когда борьба горцев под руководством Шамиля достигла наибольшего подъема, командование Кавказской линии приступило к сбору сведений об адатах кавказских горцев по довольно широкой программе. Эта программа включала в себя следующие разделы: «1) Разделение каждого общества или племени отдельно на сословия, включая и крепостной класс людей. 2) Права и обязанности каждого класса и отношение одного сословия к другому, включая и духовенство. 3) Какие дела и преступления в каждом обществе должны быть рассматриваемы адатом. 4) Общий обряд суда по обычаям или адату. 5) Права и обязанности каждого сословия. 6) Наследственное право всех сословий. 7) Раздел имений. 8) Обряд духовных завещаний и исполнение по ним. 9) Отношение детей к родителям и их права на первых. 10) Взаимное отношение мужа к жене и обратно. 11) Мера наказаний за неповиновение князьям и узденям. 12) Мера наказания за преступления всякого рода»²⁷.

Как видно из приведенного текста, программа сбора сведений об адатах была недостаточно полной, конкретной и четкой. В частности, в программе были совершенно обойдены многие важные вопросы — о землевладении и землепользовании, о политическом устройстве и системе административного управления, о порядке решения общественных дел на так называемых «народных собраниях», о роли родовых и сельских общин и их внутренней организации и т. д. В крайне общей форме был поставлен один из основных вопросов программы — «права и обязанности каждого класса и сословия». Хотя этому вопросу было посвящено два раздела программы (2 и 5), сведения о нем при сборе на местах материалов обычно объединялись в один раздел, так как составителям сборников адатов было неясно (как, видимо, и составителю самой программы), какие именно «права и обязанности» должны вноситься в каждый из этих разделов. В результате составленные в 1840-х годах сборники адатов дали недостаточные подробные и точные сведения о правах различных прослоек

²⁴ См.: «Наставление» генерала Ермолова Кабардинскому временному суду, § 13 и 23 (Ф. И. Леонтович, Указ. раб., вып. I, стр. 263).

²⁵ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, т. VI, ч. II., Тифлис, 1875, № 842, стр. 473—474; № 844, стр. 475—476; «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. IV, стр. 11 (примеч.); Ф. И. Леонтович, Указ. раб., вып. I, стр. 99.

²⁶ Эту записку, по-видимому, составил первый секретарь Кабардинского временного суда капитан Якуб Шарданов (см. М. О. Косвен, Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке, «Кавказский этнографический сборник», I, М., 1955, стр. 299).

²⁷ Ф. И. Леонтович, Указ. раб., вып. I, стр. 93—94.

господствующего класса и обязанностях различных категорий крестьянства, что заставило вновь собирать эти сведения в период подготовки крестьянской и земельной реформы на Северном Кавказе.

К чести составителей сборников адатов 1840-х годов следует отметить, что они не удовлетворялись формальным ответом на вопросы, поставленные программой, а проявили инициативу в выполнении порученного им задания, выходя нередко за рамки программы и внося по своему разумению в состав сборников все те сведения об общественном строе горцев, которые им удалось собрать на месте. Благодаря этому сборники адатов 1840-х годов дают богатейший материал по социальным отношениям у отдельных народов Северного Кавказа, хотя они и не исчерпывали своей темы, т. е. не давали полного свода обычного права данного народа. Так, например, начальник левого фланга Кавказской линии ген. Фрейтаг, представляя командующему войсками Линии в июне 1843 г. сведения об адатах чеченцев и кумыков²⁸, указывал, что, хотя при составлении сборника «для большей полноты и ясности предмета» потребовалось изложить вкратце и историю управления, существовавшего у этих народов (включая и новое управление, введенное Шамилем), однако представленным описанием «гражданского быта у чеченцев и у кумыков с объяснением адатного их права ...имелось скорее в виду ознакомить читающего с духом законодательства помянутых народов, чем изложить в подробности принятые ими законы на все возможные случаи...»²⁹.

При оценке сборников адатов 1840-х годов нельзя не учесть, что их известная неполнота и неточность объяснялась, помимо прочих причин, также той политической обстановкой, в которой собирались материалы, положенные в основу этих сборников. Напряженная борьба, которая шла в это время на Северном Кавказе, естественно, мешала сбору сведений об адатах даже среди так называемых «мирных горцев». Местное население с большой настороженностью относилось к предпринятой в это время попытке царских властей привести в известность действующие у горцев нормы обычного права. Как отмечает в своем рапорте командующему войсками Линии начальник Черноморской кордонной линии ген. Рашпиль, представивший сборник адатов адыгейцев (черкесов), составителю этого сборника войсковому старшине Кучерову пришлось столкнуться с большими трудностями, так как «старшины аулов не весьма охотно делились своими сведениями об адате, вследствие тайных подозрений — не основательных, но тем не менее упорных, по свойственной горцам недоверчивости к благонамеренности таких распоряжений с нашей стороны, которых пользы не видят они в настоящую минуту»³⁰.

В 40-х годах XIX в. царскому командованию не удалось собрать сведения об адатах большинства народов Дагестана. Между тем по окончании Кавказской войны и в связи с проведением в горских областях Северного Кавказа административно-судебных преобразований возникла настоятельная необходимость иметь в распоряжении местной администрации сборники адатов всех горских племен и народов, приспособленные к нуждам судебных органов. Поэтому в первой половине 60-х годов XIX в. было предпринято составление сборников адатов во всех округах Дагестанской области и запрошены дополнительные сведения об адатах горцев Терской области. Как и в 1840-х годах, сборники адатов 1860-х годов составлялись по единой программе. Сложность записи адатов в дагестанских округах заключалась

²⁸ Этот сборник адатов был составлен офицерами Голенищевым-Кутузовым и Лобановым-Ростовским и представлен первым из серии сборников 1840-х годов.

²⁹ Ф. И. Леонтович, Указ. раб., вып. I, стр. 97.

³⁰ Там же, стр. 102.

в том, что здесь многие «общества» имели свои адаты, так что по существу сборники адатов по округам превращались в своеобразные своды и делились обычно на две части: на так называемую «общую часть», в которую вносились адаты, общие для всех горских обществ данного округа, и на часть, составленную из адатов отдельных «обществ».

По своему содержанию сборники адатов 1860-х годов были значительно уже сборников 1840-х годов, так как они составлялись как официальное руководство для горских судов при разбирательстве дел по адату. В отличие от сборников 1840-х годов, уделявших сравнительно много места общей характеристике социального строя тех горских племен, адаты которых включали сборники, и обращавших особое внимание на «права и обязанности каждого класса и сословия» сборники адатов 1860-х годов трактуют исключительно вопросы уголовного, семейного и наследственного права и описывают порядок судопроизводства по ним. Однако и этот состав сборников 1860-х годов дает ценный материал для изучения ряда важных вопросов жизни горцев. Особый интерес в этих сборниках представляют материалы, касающиеся кровной мести, компенсации за убийство и ранение, похищения невесты, калыма, порядка принесения присяги и круга допускаемых к ней лиц. Эти вопросы освещаются здесь с исчерпывающей полнотой.

Составляя в 40—60-х годах XIX в. сборники адатов, царские власти имели в виду постепенно приспособить нормы обычного права кавказских горцев к законодательству Российской империи. В связи с этим в 1840-х годах командованием Кавказской линии была сделана попытка составить «один систематический свод, который был бы верным изображением сущности так называемого адата и мог бы впоследствии служить руководством начальства, замещая собою доселе мало известные основания...первобытного права кавказских горцев»³¹. Однако такой свод в действие введен не был, и адаты горцев до середины XIX в. видоизменялись по произволу отдельных царских офицеров, под непосредственным начальством которых находились горские племена и народности. Видоизменения эти, носившие частный и случайный характер, естественно, не оказали большого влияния на обычное право горцев, которое на протяжении первой половины XIX в. в общем мало изменилось по сравнению с XVIII в.

До 30-х годов XIX в. адаты кавказских горцев были мало затронуты и нормами мусульманского права. Примером спять-таки может служить Дагестан, куда, как известно, ислам проник гораздо раньше, чем в другие области Северного Кавказа. Однако и в Дагестане, где ислам стал распространяться с VIII в., мусульманское право вплоть до второй четверти XIX в. не играло значительной роли в жизни горцев, что и побудило руководителей кавказского мюридизма насильственно распространять шариат в 20—50-е годы XIX в. среди местного населения³². Шариат в Дагестане, как и в других областях Северного Кавказа, коснулся прежде всего семейного быта горцев, регулируя брачные и вообще внутрисемейные отношения, включая иму-

³¹ Приказ начальника штаба войск Кавказской линии и Черномории от 10 сентября 1845 г. капитану Ольшевскому, на которого возлагалось составление этого свода (Ф. И. Леонтович, Указ. раб., вып. I, стр. 103).

³² Господство в Дагестане адата накануне деятельности имамов Гази-Мухаммеда, Гамзат-бека и Шамиля хорошо показано в «Хронике» Мухаммеда Тахира: «Люди Дагестана в эту последнюю эпоху называли себя мусульманами. Но не было у них того, кто призвал бы их к [выполнению] предписаний шариата и запретил бы то, что отрицается исламом. Нет, они постепенно превращали в религию обычай адата, а их кадди даже побуждали народ к адату, восхваляя его возглавителей за его установление и укрепление. Они называли адат справедливостью» («Хроника Мухаммеда Тахира Ал-Карахи», перевод с арабского А. М. Барабанова, М.—Л., 1941, стр. 33).

щественные отношения и право наследования. Поскольку мусульманское духовенство, решая семейные дела по шариату, в общем учитывало местную бытовую специфику, переход в его ведение такого рода дел у горцев, принявших ислам, хотя и оказал известное влияние на действующие нормы семейного и наследственного права, но до начала XIX в. по существу мало изменил горский быт и в этом отношении.

В первой половине XIX в., в период развития мюридизма, имамами Гази-Мухаммедом, Гамзат-беком и Шамилем была предпринята попытка сделать шариат единственной и универсальной системой права в горах Кавказа³³. Деятельность имамов по насаждению шариата натолкнулась с самого начала на недовольство и сопротивление местного населения, которые росли по мере того, как горцы убеждались в том, что шариат несет им не освобождение от прежнего угнетения, а лишь новые тяготы. Поэтому даже Шамиль, который с особой настойчивостью пытался использовать шариат для своих целей, истолковывая его в интересах борьбы с царизмом и местными ханами, облегчить применение его норм для народа, не смог окончательно вытеснить на подвластной имамату территории адат шариатом.

Изучавший в 60-х годах XIX в. обычное право дагестанцев А. В. Комаров отмечает: «Несмотря на то, что Шамиль сам, по необходимости, допустил некоторые изменения в шариате с целью облегчить для народа тяжесть его постановлений, настойчиво и энергически, в течение 27 лет, стремился к уничтожению суда по адатам, жестоко, большей частью смертью, наказывая сопротивлявшихся его намерениям, однако он не достиг цели. По взятии Шамиля в плен все население Дагестана немедленно восстановило у себя разбор дел по адату..., и от шамилевского шариата осталось только одно воспоминание в названии времени его власти временем шариата, для отличия от прежнего времени, называемого временем адата („батлиль замана” — по-аварски)»³⁴.

Нельзя, однако, согласиться с А. В. Комаровым, что внедрение шариата при Шамиле прошло бесследно для дагестанских горцев. В данном случае А. В. Комаров, выражая официальную точку зрения царской администрации на Кавказе, к которой он сам принадлежал, склонен был преуменьшить действительное значение шариата в горах Дагестана в описываемое им время. Более объективную оценку сложившегося после падения Шамиля положения дает М. М. Ковалевский: «Исключительное владычество шариата в Дагестане не было продолжительным. После пленения Шамиля русские власти, видя в шариате один из оплотов его влияния, позаботились о восстановлении суда по адату во всех тех сферах, в которых он применялся до времен имама. Но и кратковременного господства достаточно было шариату для того, чтобы существенно повлиять на юридические воззрения дагестанских горцев...»³⁵. Поэтому при пользовании сборниками дагестанских адатов, составленными в 60-х годах XIX в., мы должны учесть, что в них влияние шариата на обычное право кавказских горцев сказалось уже в гораздо большей степени, чем в памятниках более раннего времени. Как отмечает М. Ковалевский, в сборнике аварских

³³ Отрицательное отношение к адату было уже ярко выражено в деятельности первого имама Гази-Мухаммеда. «Он призывал... — сообщает Мухаммед Тахир, — к обязательности шариата, действиям в соответствии с ним и к отстранению обычаев адата и оставлению их. Он устрасал, угрожал и для того, чтобы обратиться к старейшинам Дагестана, оставил послание, обличая в нем людей адата в неверии, которое назвал: „Блестящее доказательство об отпадении от ислама признающих адат» («Хроника», стр. 36).

³⁴ А. В. Комаров, Указ. раб., стр. 7.

³⁵ М. Ковалевский. Указ. раб., т. I, стр. 234.

адатов, экземпляры которого хранились в архивах Окружных управлений в Хунзахе и в Гунибе, «влияние шариата на видоизменения народного обычая... сказывается с большой наглядностью»³⁶.

Таким образом, мы можем считать, что до 50-х годов XIX в. у всех горцев Северного Кавказа адаты, несмотря на влияние русского законодательства и шариата, оставались важнейшим элементом права, в котором сохранялись древнейшие и самобытные юридические обычаи, отражавшие общественные отношения соответствующих народов.

Как показывает изучение обычного права кавказских горцев, у большинства из них в XVIII — начале XIX в. господствующими и ведущими были феодальные отношения, опутанные густой сетью патриархально-родовых пережитков. Сохранение у народов Северного Кавказа до XIX в. многих порядков и обычаев родового строя является важным указанием на крайне замедленный процесс социально-экономического развития этих народов. Несмотря на то, что разложение первобытно-общинного строя началось у племен Северного Кавказа еще в эпоху бронзы, а к XIII в. у большинства из них царила уже феодальная раздробленность, последующее развитие шло настолько медленно, что не дало возможности феодальным отношениям достаточно вызреть и освободиться от прикрывавшей их патриархальной оболочки. О недостаточной развитости феодализма у народов Северного Кавказа говорит и сохранение у них вплоть до XIX в. рабства и работорговли. Главным источником рабства и в это время оставался захват людей в плен. Обычное право горцев признавало каждого пленника рабом того, кто его захватил. Рабы не только использовались в домашнем хозяйстве, но являлись и одним из наиболее ценных товаров, фигурирующим, наряду со скотом и другим движимым имуществом, при определении адатом размеров платы за кровь, калыма, различных штрафов и т. д. Рабы считались совершенно бесправными даже тогда, когда они выросли в данном доме; они трактовались как объекты обычного права кавказских горцев, в отличие от феодально-зависимых и крепостных крестьян, выступавших согласно адату и в качестве субъектов обычного права. То обстоятельство, что обычное право народов Северного Кавказа еще в первой половине XIX в. не смешивало правовое положение рабов и крепостных, а, наоборот, четко разграничивало его, еще раз подчеркивает, что домашнее рабство в это время не изжило себя на Северном Кавказе и не было окончательно вытеснено крепостничеством.

Однако было бы неверно архаизировать общественный строй кавказских горцев в XVIII — начале XIX в., преувеличивать роль сохранявшихся у них в это время дофеодальных отношений, которые уже не определяли существа сложившегося у горцев общественного строя. Обычное право народов Северного Кавказа с бесспорностью свидетельствует о том, что у большинства из них общество уже давно раскололось на два антагонистических класса — на патриархально-феодальную знать и на крестьянство, находившееся в разной степени личной зависимости и подвергавшееся различным формам феодальной эксплуатации, прикрывавшейся патриархальными обычаями и традициями. Наличие двух основных классов феодального общества четко прослеживается по материалам обычного права у многочисленных адыгейских племен, кабардинцев, карачаевцев, балкарцев, абазинцев, осетин, у большинства народностей Дагестана, входивших в такие типично феодальные образования, как шамхальство Тарковское, уцмийство Кайтагское, ханства Аварское, Казикумухское и др. Для названных племен и народностей Северного Кавказа родовой строй был уже пройденной ступенью, о чем ярко говорят их адаты, основ-

³⁶ М. Ковалевский, Указ. раб., т. I, стр. 232.

ное содержание которых сводится к упорядочению и регламентации феодальных отношений, к укреплению власти феодалов. В дошедших до нас записях адатов кавказских горцев подавляющая часть статей касается взаимоотношений феодалов с их крепостными, подробно определяя виды и нормы феодальной эксплуатации крестьян, степень их личной зависимости, а также тщательно перечисляя права и привилегии сюзеренов, обязанности вассалов, т. е. трактует важнейшие вопросы феодального обычного права³⁷.

Обычное право кавказских горцев, как и других народов, находившихся на ранне-феодальной ступени развития, уделяло особое внимание регламентации феодальной эксплуатации крестьянства, которая происходила в XVIII — первой половине XIX в. в твердо установившейся, традиционной форме. Строгая фиксация обычным правом размеров крестьянских повинностей объясняется самой сущностью феодального способа производства, при котором установившиеся формы и нормы эксплуатации обеспечивают повторение процесса производства в прежних размерах, на прежнем основании на протяжении многих веков. Поэтому пока феодальный строй не начинает подтачиваться зарождающимися в нем капиталистическими отношениями, традиционные формы эксплуатации и определенные обычным правом нормы ее остаются неизменными. Именно так обстояло дело и у горцев Северного Кавказа вплоть до середины XIX в., как это показывает общеправовой материал, внесенный в сборники адатов 1840-х годов и особенно собранный во время подготовки крестьянской реформы на Северном Кавказе.

Другой характерной чертой имеющегося в нашем распоряжении общеправового материала о повинностях горского крестьянства в дореформенный период является то, что в нем скрупулезно определяются права и обязанности различных категорий феодально-зависимого крестьянства. По материалам обычного права горское крестьянство XVIII — первой половины XIX в. выступает раздробленным на многочисленные разряды и группы, отличающиеся друг от друга не только своей принадлежностью князьям и узденям, ханам или бекам и вытекающими отсюда особенностями в их социальном положении, но и массой других разнообразных нюансов в личном и семейном положении. К стати сказать, таким же делением на многочисленные степени отличался по обычному праву горцев и господствующий класс феодалов. Как в феодальном классе, так и в горском крестьянстве подчас насчитывается до десятка различных степеней и категорий. Вся эта пестрота, которую так тщательно регламентирует обычное право горцев, была естественна и необходима в период господства феодализма, обусловлена присущей ему изолированностью и замкнутостью сословий, застывших в своих средневековых перегородках.

То обстоятельство, что в обычном праве кавказских горцев с большой подробностью определены феодальные повинности различных категорий крестьянства, формы и нормы его эксплуатации, делает обычное право кавказских горцев исключительно важным источником как для изучения существа тех отношений, которые складывались в горском обществе между господствующим и эксплуатируемым классами, так и тех бесконечных вариаций и градаций, которые характеризуют особенности феодальных отношений у различных горских народов.

Анализ адатов кавказских горцев, в которых обычное право зафиксировало крестьянские повинности в пользу феодалов, показывает,

³⁷ См., например, «Постановления о сословиях в Кабарде» в приложении к «Истории адыгейского народа» Ш. Б. Ногмова (Тифлис, 1861, стр. 151 сл.) и «Полное собрание кабардинских древних обрядов», составленное в 1844 г. под руководством начальника Центра Кавказской линии кн. Голицына (Ф. И. Леонтович, Указ. раб., вып. I, стр. 223 сл.).

что наиболее распространенной формой ренты к началу XIX в. у всех народов Северного Кавказа была продуктовая рента, которая отчасти вытеснила отработочную ренту, но сама нигде не была заменена денежной рентой. Преобладание на Северном Кавказе в XVIII — начале XIX в. продуктовой ренты свидетельствует о том, что феодализм здесь достиг уже известных успехов в своем развитии, пройдя в основном этап, характеризуемый господством отработочной ренты — наиболее простой формы феодальной ренты. Но вместе с тем господство продуктовой ренты отражает ту застойность, которой характеризуется социально-экономический строй народов Северного Кавказа в рассматриваемое время. Поскольку рента продуктами основывалась на соединении сельского хозяйства с домашней промышленностью и на почти полной оторванности крестьянской семьи от рынка, она, естественно, мало способствовала дальнейшему прогрессу общества.

Хотя адаты бесспорно говорят о наличии на Северном Кавказе в XVIII — начале XIX в. различных видов феодальной ренты, являющейся экономической реализацией феодальной собственности на землю, однако сама эта собственность четкого юридического оформления в обычном праве горцев не получила. Это послужило одной из причин того, что царские чиновники, а за ними многие исследователи поземельных отношений кавказских горцев пришли к неверному выводу об отсутствии якобы на Северном Кавказе у местного населения до присоединения к России земельной собственности вообще, феодальной в особенности³⁸. Не имея возможности отрицать наличие у народов Северного Кавказа в первой половине XIX в. крестьянских повинностей в пользу феодалов в виде барщины и оброка (т. е. отработочной и продуктовой ренты), что определенно устанавливалось нормами действовавшего в то время обычного права, царские власти на Кавказе объясняли существование этих повинностей только личной зависимостью крестьян от феодалов, в чем с царскими чиновниками вполне соглашалось и большинство революционных исследователей общественных отношений кавказских горцев.

Признавая, что внеэкономическое принуждение играло в условиях горского феодализма определенную роль, о чем говорят и адаты кавказских горцев, мы, однако, никак не можем свести существо феодальных отношений у народов Северного Кавказа лишь к голому насилию, лишенному какой-либо социально-экономической основы. Наоборот, следует подчеркнуть, что на Северном Кавказе, как и в других странах, феодальная зависимость и эксплуатация крестьян являлись следствием возникновения феодальной собственности на землю.

Как ни маскировалась у кавказских горцев феодальная собственность на землю, проследить ее существование по материалам обычного права вполне возможно. Начать с того, что у кабардинцев, феодальный строй которых был типичным для многих народов Северного Кавказа, верховными собственниками земли считались, согласно адату, князья, а за ними — первостепенные уздени. У адыгейских племен, имевших князей (бжедухи, темиргоевцы, бесленевцы и др.), князья и первостепенные уздени также получили по адату особые права на землю, выделяя себе лучшие места под пашню, сенокос и пастбища. Эти же права присвоили первостепенные уоркские (дворянские) фа-

³⁸ Такой взгляд получил главным образом распространение в 60-х годах XIX в., когда царское правительство при проведении земельной реформы на Северном Кавказе решило использовать для экспроприации горских земель сохранившуюся у горцев наряду с феодальной собственностью родовую и общинную форму землевладения и землепользования. Большую роль в этом сыграла деятельность Терской сословно-поземельной комиссии, которая особенно настаивала на отсутствии у горцев представления о земельной собственности.

мили у абадзехов, шапсугов и натухайцев, представлявших в XVIII—начале XIX в. группу адыгейских племен, не имевших князей. Такой же порядок имел место у осетин, балкарцев, абазинцев, «старшины» (т. е. феодалы) которых являлись главными владельцами земель в пределах своих племен, реализуя свою собственность на землю сбором феодальной ренты со своих соплеменников. Крупными землевладельцами выступают перед нами по материалам обычного права ханы и беки Дагестана.

В обычном праве народов Северного Кавказа феодальная собственность на землю выступала, как и феодальные отношения вообще, прикрываясь патриархальной оболочкой. В этой связи следует обратить внимание на то, что формальными владельцами земли считались не отдельные феодалы, а феодальные «фамилия» и «род». Так, вся территория Кабарды в XVIII—начале XIX в. была разделена между шестью княжескими «фамилиями», ведшими свое происхождение от общего родоначальника³⁹. У карачаевцев верховными собственниками земли считались члены «фамилии» Крымшамхаловых, которой, согласно адату, все карачаевцы платили поземельную подать. У кумыков точно такое же положение занимал в XVIII—начале XIX в. «род» шамхалов Тарковских, к которому принадлежало большинство кумыкских беков. «Род» уцмиев Кайтагских, нуцалов (ханов) аварских, ханов казикумухских и других феодальных властителей Дагестана являлся (вместе с происходившими от него беками) главным собственником земли в пределах данного феодального владения.

Сохранение в условиях господства феодалов общинного землевладения и землепользования уже не могло серьезно помешать горской знати расхищать народную землю. Феодалы, присваивая в собственность лучшие земельные угодия, не отказывались в то же время и от пользования общинной землей. В ряде районов Северного Кавказа местная знать предпочитала не выходить окончательно из общины и требовала себе при земельных переделах повышенный пай. Так, например, у адыгейцев князья при переделах получали, согласно адату, одну треть (а иногда и больше) всех пастбищных и пахотных земель данной общины. У кабардинцев обычное право признавало за владельцами аулов, которыми являлись князья и первостепенные уздени, право распоряжаться всеми излишними землями, оставшимися после наделения жителей данного аула⁴⁰. Вместе с тем кабардинские и адыгейские князья и первостепенные уздени присвоили право распределять при переделах земельные участки, что они обычно делали в присутствии сельских старшин. Таким образом, общинные порядки здесь в значительной мере прикрывали наличие класса привилегированных землевладельцев феодального типа.

Процесс феодального разграбления горских земель при всей его интенсивности не привел, однако, к полной ликвидации общинных порядков и окончательному закреплению непосредственных произво-

³⁹ Кабардинский окружной народный суд 8 августа 1862 г. сообщил в «Комитет, учрежденный в Кабардинском округе для разбора личных и поземельных прав туземцев», что в Кабарде «в старину пользовались поземельной собственностью» четыре княженские фамилии, а также уздени первой степени (тлекотлеши). При этом суд подчеркнул, что «земли в Кабарде не были частной собственностью одного лица, а принадлежали целым фамилиям, члены которых мужского пола наследовали совершенно равными частями...» (Центральный гос. архив Кабардино-Балкарской АССР, ф. 40, оп. 1, ед. хр. 1, л. 23).

⁴⁰ Характерно, что Сословно-поземельная комиссия Терской области, которая особенно отстаивала тезис об отсутствии у кабардинцев феодальной земельной собственности, сочла нужным при проведении в 60-х годах XIX в. земельной реформы поставить перед начальником Терской области вопрос о выделении бывшим владельцам аулов в Кабарде из предоставляемых каждому аулу пахотных угодий пая «в размере одной десятой этих угодий, что и сообразно с народным обыкновением...» (Центральный гос. архив Кабардино-Балкарской АССР, ф. 40, оп. 1, ед. хр. 4, л. 475 об.).

дителей. Почти во всех горских племенах вплоть до начала XIX в. сохранилась значительная прослойка незакрепощенных крестьян-общинников. Особенно большой процент они составляли у так называемых «демократических» адыгейских племен (абадзехов, шапсугов натухайцев) на Западном Кавказе и в «вольных обществах» Дагестана на Восточном Кавказе. Эти формально свободные крестьяне-общинники в условиях общего господства на Северном Кавказе феодализма являлись уже в известной мере феодально-зависимыми людьми, что выявляется при внимательном изучении их положения по обычному праву. Так, адыгейские тльфокотли (крестьяне-общинники), именуемые в русских записях адатов «простым свободным народом», признавали в «некоторой степени» над собой власть князей и дворян, платили им «калым за промен на меновых дворах... леса и других своих продуктов» и выполняли ряд феодальных повинностей. Любопытно отметить, что все обязанности тльфокотлей по отношению к феодалам, по словам составителя цитируемого сборника адатов, носили крайне неопределенный характер. «Если же сей народ и работает князьям и дворянам в нужное для них время,— читаем мы в этом сборнике, составленном в 40-х годах XIX в.,— под покровительством которых он жительствоует, то сие делает единственно по приглашению их и по доброй своей воле; работа сия не вменяется ему в непреложную его обязанность никаким непреложным постановлением»⁴¹.

Из приведенных формулировок, при всей их расплывчатости и противоречивости, можно сделать вывод, что тльфокотли не являлись уже вполне свободными людьми, хотя сам составитель цитируемого сборника адатов (войсковой старшина Кучеров) склонен утверждать обратное, заявляя, что «сей класс людей пользуется совершенною свободою во всех племенах..., особенно в тех племенах, в которых не имеется князей»⁴². Было бы, конечно, правильнее сказать, что тльфокотли пользовались относительно большей свободой у адыгейских племен, не имевших князей, чем утверждать, что они «пользуются совершенною свободою во всех племенах» Адыгеи. Такими же по существу полусвободными крестьянами являлись в своей массе и дагестанские уздени. Их положение в «вольных» обществах Дагестана отличалось сравнительно большей свободой, чем в районах, входивших непосредственно в состав феодальных ханств Дагестана. Но и уздени «вольных» обществ находились в той или иной степени зависимости от местной знати и соседних ханов. Представление о том, что тльфокотли Адыгеи, уздени Дагестана и аналогичные им социальные группы других горских областей Кавказа являлись совершенно свободными непосредственными производителями, создавалось в значительной мере потому, что их феодальная эксплуатация и зависимость прикрывались еще в большей степени, чем эксплуатация остальных категорий горского крестьянства, пережитками дофеодальных отношений. Используя, в частности, обычай родовой и общинной взаимопомощи, горская знать привлекала крестьян-общинников «по приглашению и по доброй воле» (ср. приведенный выше текст адыгейских адатов в записи Кучерова) к выполнению различного рода работ в своем хозяйстве.

Господство феодальных отношений на Северном Кавказе нашло свое яркое отражение в том, что, как показывает обычное право гор-

⁴¹ Адаты черкес бывшей Черноморской кордонной линии (Ф. И. Леонтович, Указ. раб., вып. 1, стр. 133).

⁴² Там же. Гораздо правильнее освещает этот вопрос Хан-Гирей, который пишет: «Дворяне, облеченные преимуществами, образовали собою господствующее сословие; вольные земледельцы составляли народ, подчиненный дворянству на определенных неясно, но тем не менее тягостных условиях...» («Бесильный Абат. Из сочинений под заглавием: Биография знаменитых черкесов и очерки черкесских нравов и преданий, покойного флигель-адъютанта Хан-Гирея», Сборник газеты «Кавказ», Второе полугодие 1847 года, Тифлис, 1848, стр. 129).

цев, многие институты родового строя здесь уже полностью трансформировались к началу XIX в., изменив свою прежнюю социальную сущность, и были приспособлены господствующим классом к обслуживанию его интересов. Такая трансформация произошла, например, с широко распространенным у всех народов Северного Кавказа обычаем кровной мести. Господствующий в родовом строе принцип равного возмездия — «око за око, зуб за зуб» — был горской знатью в условиях феодализма превращен в свою противоположность, которую можно приблизительно сформулировать следующим образом: «за око — два ока, за зуб — всю челюсть». Как показывает соответствующий материал по обычному праву кавказских горцев, плата за кровь члена господствующего класса у всех народов Северного Кавказа во много раз превосходила цену крови рядового горца. Так у кабардинцев и адыгейцев цена крови члена княжеской фамилии была столь высокой и включала столь редкие и ценные предметы (например, дорогое и редкое оружие, кольчугу и т. п.), что было практически невозможно расплатиться за кровь убитого князя⁴³. В результате кабардинское обычное право установило жестокое правило, согласно которому, если убийца князя не принадлежал к княжескому сословию, то он вместе со всей своей фамилией выдавался на поток и разграбление родственникам убитого, которые обычно превращали всех членов такой фамилии в рабов и распродавали их за пределы Кабарды. Поэтому не только рядовой кабардинец, но даже первостепенный уорк (знатный дворянин) никогда не решались поднять руку на кабардинского князя.

Опираясь на такой порядок кровной мести, князья и равные им по положению представители феодальной знати других народов могли безнаказанно грабить и притеснять рядовых горцев. Если жители какого-либо аула начинали преследовать банду, захватившую у них скот и другое имущество, а нередко и людей (которых затем обращали в рабство), и узнавали, что во главе этой банды стоит князь, то они обычно прекращали преследование и возвращались домой. Только в том случае, если во главе преследователей находился князь или равный ему по обычному праву представитель знати другого народа, дело доходило до вооруженного столкновения, но и тогда в князя мог стрелять только человек равного ему происхождения. Это правило соблюдалось даже во время междоусобных войн, так что сила той или другой феодальной партии определялась в конечном счете не общим числом вооруженных людей, которых она могла выставить, а числом одних князей, личность которых была неприкосновенна для всех других вражеских воинов, не имевших княжеского звания. Этот порядок просуществовал до первой половины XIX в. А. П. Ермолов в 20-х годах XIX в. в своих прокламациях к кабардинцам специально призывал их «забыть глупое обыкновение не стрелять в князей, когда они стреляют»⁴⁴.

Аналогичное изменение претерпел и другой обычай родового строя — барантование, заключавшийся в самовольном взятии потерпевшим у своего обидчика скота или другого имущества с целью заставить его дать должное удовлетворение. В условиях родового быта эта мера не являлась чьей-либо особой привилегией; она содействовала скорейшему и справедливому урегулированию возникших конфликтов, принуждая обидчика искать примирения с потерпевшим от него лицом, который после удовлетворения своей претензии возвращал

⁴³ Ср. К. Ф. Сталь, Этнографический очерк черкесского народа, «Кавказский сборник», т. XXI, Тифлис, 1900, стр. 120.

⁴⁴ Прокламация генерала Ермолова от 1 августа 1822 г., «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. IX, стр. 194.

взятое в качестве баранты имущество. Совершенно иной характер этой обычай приобрел при утверждении власти феодалов, которые у ряд народов Северного Кавказа присвоили преимущественное право барантования и сделали его важнейшим средством подчинения народных масс. Любой неугодный поступок или непослушание являлся для горской знати поводом к барантованию, причем, как правило, забрантованное имущество (по-прежнему главным образом скот) не возвращалось владельцу, ибо рассматривалось теперь не как залог, а как штраф за нанесенную якобы феодалу обиду и поругание его чести. Чрезвычайно любопытные изменения претерпели в условиях горского феодализма и другие обычаи родового строя, как то: куначество, гостеприимство, аталычество и др.

Преобразуя на свой лад патриархальные учреждения и институты, горский феодализм сделал их одной из форм своего развития, что придало феодальным отношениям на Северном Кавказе ту специфику, которая дает нам право охарактеризовать их как феодально-патриархальные. Именно патриархальная оболочка, прикрывавшая развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа, ввела в заблуждение исследователей их общественного строя, в том числе таких выдающихся, как М. М. Ковалевский и Ф. И. Леонтович, которые считали, что в XIX в. патриархально-родовые отношения все еще составляли основу общественного быта горцев.

Материалы по обычному праву остаются основным источником по истории общественных отношений у кавказских горцев до второй половины XIX в. когда обычное право перестало уже отражать существо новых отношений, складывавшихся в горском обществе. Потеря обычным правом господствующих позиций в горах Кавказа произошла после того, как закончилось политическое завоевание Кавказа Россией и развернулось его экономическое завоевание, что совпадает по времени с падением крепостного права в России и отменой рабства и крепостничества на Северном Кавказе. С этого времени социальные устои, на которых держалось господство обычного права в быту горцев, начали подрываться, Северный Кавказ стал с особой интенсивностью втягиваться в орбиту развития русского капитализма, страна, «заселенная горцами, стоявшими в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории, превращалась в страну нефтепромышленников, торговцев вином, фабрикантов пшеницы и табака, и господин Кулон безжалостно переряживал гордого горца из его поэтического национального костюма в костюм европейского лакея (Гл. Успенский)»⁴⁵.

Однако колониальная политика царизма, опиравшегося на Кавказе, как и на других окраинах Российской империи, на местных эксплуататоров, консервировала и поддерживала в интересах горских помещиков, буржуазии и кулачества адат и шариат и в пореформенный период, сохранив их вплоть до февраля 1917 г. Лишь Великая Октябрьская социалистическая революция окончательно ликвидировала на Северном Кавказе социальные корни адата и шариата, связанные с патриархально-феодальными отношениями, с былой экономической, политической и культурной отсталостью горцев.

SUMMARY

The customary law (adats) of the mountain peoples of the North Caucasus is a major source in appraising social relationships existing among these peoples over many centuries, beginning with the Middle Ages, and in particular in the 18th and early 19th centuries. The contents of the bulk of the Caucasian mountaineers' adats put down in writing in the 1840's-1850's, refer to the latter period.

⁴⁵ В. И. Ленин, Соч., изд. 5-е, т. 3, стр. 594—595.

In studying the customary law of the peoples of the North Caucasus it should be borne in mind that among many of them, up to the time of their joining Russia, this was not merely the prevailing, but frequently the only existing type of law, inasmuch as these peoples had no written codes and their social life was regulated entirely by customs descending from one generation to another. As to the lesser part of the Caucasian mountaineers who — as, for instance, some of Daghestan's nationalities — had their own recorded legal codes before joining Russia (e. g. the codes of Ummu-Khan of Avaria and Rustem-Khan of Kaitaga, apparently dating from the early 17th century), their codes to a considerable degree comprised the norms of customary law. Some of these norms however, continued to exist independently, parallel with written laws.

After the joining with Russia the influence of Russian law in the North Caucasus began to spread, and this entailed the gradual shrinking of the sphere of application of customary law. Nevertheless, in the first half of the 19th century customary law remained on the whole the Caucasian mountaineers' dominating legal form, the norms of which continued to define almost exclusively the pattern of their life.

Before the spread of muridism in the 1820's-1850's, the adats of the Caucasian mountain peoples were affected by Muslim law (Sharia) to an equally small degree.

An analysis of the Caucasian mountaineers' adats which retain their oldest, highly original legal practices, shows that in the 18th and early 19th centuries feudal relations were the ruling and prevailing form, although thickly enmeshed in patriarchal and tribal relics. While transforming in its own way patriarchal customs and institutions (blood revenge, fosterage, etc.), the mountaineers' feudalism adopted these as a form of its development; this lent feudal relations in the North Caucasus their specific character, warranting their definition as feudal-patriarchal relations. It is that patriarchal guise covering up the development of feudal relations among the peoples of the North Caucasus that misled many investigators who dealt with their social system, including such prominent authorities as M. M. Kovalevsky and F. I. Leontovich; they were led to believe that in the 19th century patriarchal-tribal relations continued to be the core of the mountaineers' social life.
